

СЕК- МИССИЯ XX ВЕКА

Первый зал экспозиции – венский. Именно «распутная» Вена – столица эротической культуры Европы рубежа столетий. Элитная улочка старого Львова, сплошь застроенная изящными сецессионными зданиями времен венского Fin-de-Siècl, в одном из которых размещена выставка – удачный камертон для этого раздела.

Две мировых и сотни локальных войн, «парад» революций (реже – мирных, обычно – кровавых по полной программе), путчи, перевороты, диктатуры, нацизм, военный коммунизм, «победивший разум» социализм, геноцид, голодомор, ГУЛАГ, эвакуация, эмиграция, депортация, кроеная-перекроеная карта Европы... Одним словом, времена, когда всем вроде бы не до сексуальных утех, и тем не менее... Как именно «это» было в XX веке, просвещает выставка «Эрос и сексуальность. Столетие насилия, контроля и свободы», созданная Центром городской истории Центрально-Восточной Европы (Львов, ул. Ак. Богомольца, 6). Куратор – Богдан Шумилович, дизайн – Герберт Пастерк (Австрия), Ирина Дяк и Влодко Костырко (Украина).

Выставка задумана как дополнение международной конференции по вопросам сексуальных вкусов европейских городов XIX века, состоявшейся во львовском Центре городской истории в июне этого года. Для удобства ориентации материал сгруппирован согласно основным политическим вехам прошлого столетия. Тщательно отобранные цитаты, фрагменты прессы, фото, произведения художников, популярные слоганы, знаковые предметы быта, музыка, кино и телепрограммы смонтированы в блоки-«страницы», из которых складывается путеводитель по сексуальной истории Европы XX века.

На входе посетителей встречает лаконичная увертюра из истории мировых секс-ориентиров: от палеолитической «Венеры» до обложки «Полевых исследований украинского секса» Оксаны Забужко. Первый зал экспозиции – венский: именно «распутная» Вена – столица эротической культуры Европы рубежа столетий. →

Элитная улочка старого Львова, сплошь застроенная изящными сецессионными зданиями времен венского Fin-de-Siècle, в одном из которых работает Центр и, соответственно, размещена выставка – удачный камертон для этого раздела. Логотип венского зала – конечно, Климт с его «Голой Правдой» (Nuda Veritas). Вызывающе брутальное в своей откровенной естественности полотно Климта не только вызвало самый большой скандал в пристойном венском обществе, оно стало символом опасной власти женского сексуального Я, вырвавшегося наконец из-за плотно закрытых дверей семейных спален мещанской Европы. Среди тех, кто помогал открывать крышку этого «ящика Пандоры» – профессор Венского университета Ричард фон Крафт-Эбинг, автор научногоopus «Psychopathia Sexualis» (1886). Дотошный автор потрудился собрать объемный перечень примеров сексуальности, которые медицина и психология со временем классифицировали как «аномалии»: гомосексуализм, садизм, мазохизм, фетишизм и т. д. И все ради того, чтобы доказать, что удовлетворение половых потребностей – исключительно мужская «проблема», решение которой осуществляется через приятие необходимого зла – проституции. Сухо-научный труд Крафт-Эбинга, к удивлению самого автора и его коллег, стал бестселлером, позволявшим читающей публике значительно расширить свой кругозор в области сексуальных фантазий.

Само собой разумеется, что в Венском зале не обошлось без отца психоанализа Зигмунда Фрейда (кстати, наш человек, галичанин). Ему мы обязаны теорией сексуальности, декларирующей, что «мотором» всех побуждений человечества является сексуальный инстинкт, а корень всех проблем ориентации и прочих комплексов – в отношениях отцов и детей. С его же легкой руки прогрессивный мир начал активную борьбу за права гомосексуализма. Появление бульварной прессы чрезвычайно способствовало перемещению гомосексуализма из клинической и криминальной плоскостей в публичную. Сам термин «гомосексуализм» – тоже австро-венгерского происхождения; его в 1869 году ввел врач и писатель Карл Бэнкерт. Сексуальная озабоченность европейского общества начала прошлого века, подогреваемая искусством и наукой, была настолько сильна, что даже усилия радетелей за здоровый образ жизни, как правило, воспринимались превратно. Один из примеров – «Книга здоровья» Др. Герлинга. За подробное описание

Катализатором «сексуальных реформ» в Европе стала Первая мировая. Масштабы международной мясорубки существенно деформировали классический смысл таких понятий, как «стыд» и «мораль».

...но на динамике роста борделей в городе и статистике внебрачных детей жесткие правила пристойного буржуазного поведения никак не сказывались

На входе посетители встречают лаконичная увертюра из истории мировых секс-ориентиров.

способов онанизма и мастурбации, которые, по его мнению, пагубно влияют на нервную систему, автор даже удостоился золотой медали Литературной комиссии по развитию здоровья и спорта. Публика же восприняла сейopus скорее как руководство к действию. Стараясь всесторонне осветить тему, Герлинг поместил также советы, как бороться с «вредными» сексуальными позывами: не употреблять горячую пищу, мясо, крепкие вина, избегать мягкой постели и ни в коем случае не нежиться

Наприкінці 19 століття стереоскоп був найбільш популярним технічним приладом для оглядання еротичних та порнографічних світлин. Ефект тривимірності створював для глядача ілюзію близькості до об'єкта бажання.

At the end of the nineteenth century the stereoscope was the most popular technical device to view erotic and pornographic images. The three-dimensional effect gave the viewer the illusion of being in proximity to the object of desire.

Реклама у віденському тижневику «Бомба» з 1912 року. Париж був центром виробництва стереоскопічних світлин.

An advertisement in the Viennese weekly „Die Bombe“ (the Bomb) from 1912. Paris was the center of production of stereoscopic images

Пройдя под символической «аркой Климта», попадаешь в галицкий зал. Львов, в те времена столица самой крупной провинции Австро-Венгерской империи, как и всякая провинция, – внешне весьма консервативен.

в ней по утрам, не читать романы и не разглядывать картины с женщинами, тем более обнаженными, не топить в спальнях... Пройдя под символической «аркой Климта», попадаешь в Галицкий зал. Львов, в те времена столица самой крупной провинции Австро-Венгерской империи, как и всякая провинция – внешне весьма консервативен. «Облик морале» города определяют набожные поляки, правоверные евреи и благопристойные украинцы. Но... на динамике роста борделей в городе и статистике →

внебрачных детей жесткие правила пристойного буржуазного поведения никак не сказываются. Вегания «эротического возбуждения» новой моды ощущаются даже в патриотически-символическом «Пробуждении» известного экспрессиониста Олексы Новакивского, который, изобразив обнаженную девочку-подростка, конечно, имел в виду «пробуждающуюся от политического сна украинскую Галицию». И тем не менее, прикус непристойности, щекощущей нервы «любителям» детского тела, весьма ощутим. Свидетельством влияния теорий Фрейда на патристичные умы галичан стала попытка психолога Стефана Балея применить фрейдовский анализ эротических символов к жизни и творчеству Тараса Шевченко. Посредниками между новейшими тенденциями венской эротической мысли и львовской публикой «работали» львовские издательства. В 1909 году здесь издали скандальную книгу Отто Вайнингера «Пол и характер» и перевели на польский не менее скандальную пьесу Артура Шницлера «La Ronde». Среди переводчиков замечена жена знаменитого украинского историка Михаила Грушевского.

Сексуальность населения одной шестой части земной суши намертво привязана к семье – «ячейке общества», а контроль за ее моральным обликом возложен на комитеты комсомола, парткомы, профкомы, горкомы...

Территория секса в условиях тотального безквартирия – барак, коммуналка, землянка, баня, парк, общественный туалет

Забавно, что самый большой вклад в историю «львовской сексуальности» внес человек, помышлявший никак не о скандальности, а о литературной славе. Это – рожденный во Львове Леопольд фон Захер-Мазох, автор довольно посредственных сентиментальных рассказов о роковых женщинах и выманивающих их любовь особях мужского пола, назвать которых «мужчинами» язык как-то не поворачивается. Мазоху принадлежит слава первооткрывателя украинской, в первую очередь фольклорной «карпатской» темы в европейской литературе XIX века. Но знаменитым на весь мир он стал случайно, когда вышеупомянутый Ричард-Крафт-Эбинг, пролистав роман Мазоха «Венера в мехах», решил использовать фамилию автора для классификации одного из описанных им сексуальных отклонений. И сегодня

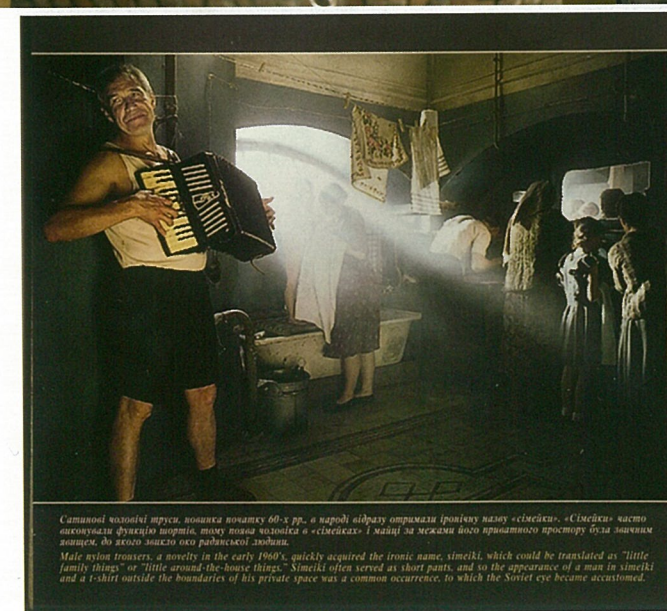
Послевоенный СССР официально – территория без сексуальных проблем, тут все еще нет не только секса, но и сексуальных женщин.

весь мир знает, что такое мазохизм, но только очень немногие читали или хотя бы слышали о самом Мазохе. Львов также стал последним пристанищем для самого известного гомосексуалиста Австро-Венгерской империи – полковника Альфреда Редля. В результате расследования очень громкого дела шпионившего для России Редля выяснилось, что у него имелись два пагубных пристрастия: красивая жизнь и мальчишки. Хотя Редль, застрелившись, и смыл позор кровью, родственники тем не менее не пожелали, чтобы его прах компрометировал семейную усыпальницу в Вене. По их настоянию тело его было эксгумировано и «депортировано» в родной Львов, на Лычаковское кладбище.

Катализатором «сексуальных реформ» в Европе стала Первая мировая. Масштабы международной мясорубки, с помощью которой империализм решал свои геополитические претензии переделывать мир, существенно деформировали классический смысл таких понятий, как «стыд» и «мораль». Принудительное сосуществование больших масс людей в замкнутом пространстве смерти и лишений привело к нивелированию общепринятых человеческих ценностей и самой человеческой жизни в том числе. Однако вскоре оказалось, что это – только цветочки, из которых созрели «ягодки» революции 1917 года и двух самых жестких тоталитарных режимов Европы XX века – нацизма и сталинизма. Вот тут уже понеслось... «Мы старый мир разрушим до основания, а затем...» Отныне тело нового советского человека – не частная собственность, а часть революционного проекта. Секс в новорожденном Советском Союзе – это как «стакан воды выпить, и чтоб без всякой мелкобуржуазной черемухи». Территория секса в условиях тотального безквартирия – барак, коммуналка, землянка, баня, парк, общественный туалет. Новый порядок громкогласно заявляет о том, что коммунизм – «могила проституток». Понятно, что имелось ввиду построение идеального общества, свободного от буржуазных пороков. А вышло – как в том анекдоте о русских, которые «любовь придумали, чтоб денег не платить».

Всеобщий загул 1920-х закончился одновременно с вольницей революционного авангарда. По мере того, как Сталин «со товарищи» «застегивал» на все пуговицы жизнь советского народа, компартийный аппарат шлифовал официальный курс де-эротизации всех сфер его жизни. Отныне сексуальность населения одной шестой части земной суши намертво привязана к семье – «ячейке общества», а контроль за ее моральным

обликом возложен на комитет комсомола, партком, профком, горком, обком... Стандартный образ женщины в советском искусстве – в ватнике и резиновых сапогах, с каким-нибудь бревном наперевес: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Голое тело в выставочных залах карается не менее жестоко, чем в исламском фундаментализме, разве что это будет революционерка в красной косынке, кормящая грудью представителя нового поколения. Параллельный – извращенно-садистский мир сексуальных отношений ГУЛАГа – мир тех, которых пересажали, сослали, развеяли, представлен скромной инсталляцией →

цией из канцелярского стола под правительственным зеленым сукном, телефона и... телогрейки на спинке стула. Все коротко и ясно: одно неверное движение, одно сомнительное слово, одна мыслеформа не с той интонацией – и шагай по этапу... Это в лучшем случае, хотя, вчитавшись в скупые факты цитат выживших, думаешь: может, лучше бы сразу...

Национал-социалисты добавили к сексуальным извращениям XX века понятие «расовой чистоты» – псевдонаучной идеи селекции избранного народа. Удел женщины в нацистской Германии – четыре «К»: Kinder, Kueche, Kirche, Kleider (дети, кухня, церковь, наряды). Ее тело – только репродуктивный механизм, способ повышения количества и качества истинных арийцев – будущих солдат, колонизаторов, рабочих и опять-таки самцов. Пропагандируя образ желательных сексуальных партнеров, нацисты заказывают лучшим художникам страны (отказавшимся светил концлагерь) изображения «образцовых» тел. Табу – евреи и цветные. Еврей стал для нациста воплощением сексуальной похоти: «...подобно тому, кем негры были для

«Голое тело» в советские выставочные залы допускается только в виде революционерки в красной косынке

белокожих расистов или ведьмы (и, в принципе, женщины) для инквизиции или пуритан», – писал историк Саул Фридлендер. Еще одна персона *non grata* в нацистской Германии – гомосексуалист. Для нацистов гомосексуализм – «пощечина» режиму, форма вырождения и прямая угроза расовой теории: отвлекает мужчин от миссии продолжения рода, превращает их в импотентов и женоподобных. Согласно немецкому законодательству, «гомосексуалист виновен и болен». В нацистской Германии за гомосексуализм сидело более 50 тыс. человек, от 10 до 15 тыс. попало в карцеры концлагерей, а несколько сотен подверглось принудительной кастрации. Послевоенный СССР официально – территория без сексуальных проблем, тут все еще нет не только секса, но и сексуальных женщин, гомосексуалистов, лесбиянок, проституции... После черно-белого мира 1940-х, оставляющего неприятный холодок где-то под ложечкой, ощущаешь интенсивное человеческое тепло 60-х. Фотохроника мировой сексуальной революции, ослепительно молодые лица кино-кумиров наших родителей, робкие нью социалистических журналов мод (только в рисунках, никаких провоцирующих фото)... Украшение зала – инсталляция из знаменитых сатиновых «семейных» трусов, гигиеничных х/б бюстгалтеров и прочих деталей интимного гардероба «вечных строителей коммунизма». Известный французский актер Жерар Филипп, попавший в 1955 году в Московский ГУМ, был настолько поражен панталонами «с начесом» и напоминающими сморщенный картон хлопчатобумажными чулками, что

купил весь ассортимент и устроил в «Комеди Франсез» выставку. Она называлась «Можно ли полюбить женщину в таком нижнем белье?» Без комментариев. Ива Монтана тоже долго мучил вопрос, как советским женщинам удастся зачать в таком белье ребенка? Нет, так наши женщины – самые красивые в мире... 1970–1980-е – уже сплошное узнавание предметов из детства, фото своих и чужих секс-символов кино-музыкального мира... Времена, когда из-под асфальта соцреализма пробиваются первые отечественные постельные сцены в «Экипаже» и «Маленькой Вере»... Фраза «В СССР секса нет!», сказанная председателем Комитета советских женщин Людмилой Ивановой в телемосте Ленинград–Бостон в 1986 году – становится мгновенно знаменитой на всю страну как символ времени, которое, казалось, закончилось. Изголодавшееся по сексуальным темам советское общество жадно глотает страницы «Эммануэль», тиражи которой в перестроечном СССР (три миллиона экземпляров!) переплюнули только вечно любимые «Три мушкетера». Видеомагнитофоны круглосуточно крутят «Греческую смоковницу». В кинотеатрах – километровые очереди на фильм «Новые амазонки. Секс-миссия» без купюр. В дорвавшемся СССР происходит стремительная политизация, коммерциализация и вульгаризация секса. Идеал подростков – «Интердевочка». В 1987-м советским властям приходится официально признать существование проституции, которая просто на глазах изумленной публики превращается в секс-индустрию. А уже в 1989-м первая советская женщина – главная героиня «Маленькой Веры» Наталья Негода – на обложке «Плейбоя»! На постсоветском пространстве начинается новый отсчет сексуальности.

В последнем зале – подробная информация о вариантах мировой торговли телом и способах борьбы с ней в демократическом и псевдодемократическом обществе. Все очень серьезно, научно, политкорректно. Как по мне, тут стоило намекнуть на еще вполне безобидную (на первый взгляд) тенденцию сексуальности века XXI – виртуализацию секса, который с каждым днем все стремительнее уводит живых женщин и мужчин, закомплексованных техногенной цивилизацией, вымотанных конвейером работы на износ, в «космос» Интернета с его имейлами, блогами, чатами, аськами, ЖЖ, скайпами... Единственное, что там пока не делают, это детей...

PS: «А на выходе хорошо бы корзинку с яблоками...» – подумалось мне после того, как знакомая зрительница соблазнила меня наливным яблочком. Чтобы, просветившись по полной программе, посетители не забывали, что сексуальность в здоровых пределах – такой вечный двигатель цивилизации. Иначе где бы мы все были, если б пресловутый змий не соблазнил нашу прародительницу сладостью запретного плода... ☺

Ива Монтана долго мучил вопрос, как советским женщинам удастся зачать в таком белье ребенка? Нет, так наши женщины – самые красивые в мире...

